

18+

Ванин Глеб
Астения

Глеб Александрович Ванин

Астения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328793

SelfPub; 2018

Аннотация

Максим не стремится к завоеваниям и славе. Он потерял себя в "современности". В бесконечном потоке смыслов он желает отыскать Смысл. Все, чего он хочет – получить возможность быть собой.

Глеб Александрович Ванин

Повесть «Астения»

I

Максим Сергеев проснулся позже чем обычно. После пробуждения он еще долго лежал в кровати и отрешенно смотрел в потолок. Казалось, он совершенно не торопился встать. Было уже 11:30, когда Максим посмотрел время на телефоне. «Что они там подумают?» – спрашивал он себя, по-прежнему лежа в кровати. Максим не вышел сегодня на работу, и мысль об эффекте, там произведенном, забавляла его. Прележав еще около получаса, Максим неспешно начал подниматься.

Он прошел на кухню и, приготовив кофе и яичницу, сел завтракать. Сидя за столом, Максим размышлял о предстоящем дне. Сегодня у него нет времени на работу. Сегодня особенный для него день, ему нужно решиться на важный шаг, который определит его дальнейшую судьбу.

За последние семь месяцев, что Максим работал в колл-центре одной крупной сотовой компании, это был его первый прогул. «Как не вышел? – представлял Максим Семенова, начальника смены, который был едва старше него, – да он у меня без премии останется». Максим не понимал таких людей, как Семенов, они жили исключительно работой и не имели помимо нее никаких интересов. Вся их жизнь

строилась вокруг исполняемой ими функции и была придатком работы. Они видели себя только в качестве сотрудников: Оператор Иванов, кассир Жирков...

Зазвонил сотовый, прервав ход его мыслей. Максим не отвечал, поскольку звонили с работы, а он был не в настроении что-либо объяснять. Максим ненавидел работу. Работа *забрала* его жизнь, она держала его привязанным к месту, загруженным бессмысленными обязанностями. Его давили эти люди, их разговоры, мысли, он не хотел признавать распорядок, но не мог ничего поделать. Он был *вынужден* работать. Максим мечтал покинуть это место и никогда туда не возвращаться.

Он протянул к себе стопку листов, лежащих на столе, и, медленно вытаскивая их из файла, начал перечитывать текст, который вчера написал. Он недавно преступил к работе над книгой (или рассказом, он пока еще не знал точно, он колебался между рассказом в форме дневника или публицистикой). Вчера Максим написал то, что, скорее всего, будет введением:

«Контекст

Мы нигде, мы рождены в пустоте. Мы единственные существа, осознающие эту пустоту. Она нам неприятна и чужеродна. Но мы слишком хорошо ее осознаем, чтобы не задавать вопрос: «Зачем?»

Вопрос о смысле жизни не дает покоя человечеству уже на протяжении тысячелетий. С самого начала истории до

наших дней люди находятся в поисках Смысла жизни, нужного им для нормального продолжения жизнедеятельности. Чтобы продолжать жить, для начала надо установить, для чего жить. И, несмотря на то, что многое указывает, что конечного смысла во вселенной нет и жизнь в целом бессмысленна (в том виде как мы понимаем смысл), люди не сдаются и по-прежнему продолжают поиски. Люди вопросительно смотрят на мир и ждут знака или сигнала, который указал бы дорогу к Правде или наставил на путь истинный. Примириться с фактом, что мир может быть бессмысленным, и принять во внимание, что сами понятия «смысл» и «цель» по сути своей людские, они не в состоянии.

Возникает вопрос, почему мы вообще верим, что Смысл существует? Мне представляется, что стремление к смыслу и пониманию – неотъемлемая часть человеческой природы. Мы чутки ко времени, мы знаем свое начало и свой конец. Жизнь – история, логично, что у нее должна быть цель. Но поскольку нам не даны ответы, а существуют только вопросы, и мир функционирует по неизвестным нам законам (а по законам ли?), мы придумываем способы, как ответить на наши вопросы.

В мире без Смысла люди занимаются выстраиванием механизмов по созданию смыслов. Вместо каждого отдельного человека, ищущего свой собственный смысл, мы создаем смыслы вместе, как единый организм. Существует наука, религии, общество, государство и философские концепции,

все они образуют один большой контекст и создают почву для рождения смыслов. Проблема в том, что смыслы, возросшие на этой почве, лишены подлинности и абсолютности, поскольку созданы искусственно.

Цивилизация – самый масштабный из контекстов. Она – ответ всего человечества в целом на вопрос о смысле жизни. Таким образом, цивилизацию можно рассматривать как один из основных контекстов, внутри которого рождаются человеческие смыслы, идеи, интерпретации жизни. Она создана для укрытия от безмолвного мира, не отвечавшего на запрос человека, на смысл. Однако все эти идеи потеряли бы свое значение вне цивилизации, то есть вне своего контекста.

Контекстуализация – основной метод нашего мышления, применяемый для создания смыслов. То есть, для понимания реальности мы придаем ей контекст, внутри которого появляется сама возможность «понимать», интерпретировать. Контекст позволяет классифицировать, упорядочивать и трактовать окружающую реальность. Все наши представления о мире базируются на выводах, рожденных в том или ином контексте.

Существуют принципы, без которых даже создание контекстов было бы не возможно. Наше знание основывается на следующих постулатах:

Мир понимаем объективно. И как следующие из этого утверждения: Истина существует, и она в пределах челове-

ческой досягаемости.

В этом мире человек занимает особое положение и является «венцом творения». Только ему под силу познать мир.

История – последовательность, развитие, движение в определенном направлении. У нее есть начало и конечная цель. Все, что происходит, имеет причину и может быть объяснено.

Проверить справедливость приведенных выше высказываний не представляется возможным. Они догмы, ставя под сомнения которые, ставится под сомнение сама возможность создания связанной картины мира.

Мы существуем в контексте, который сами же придаем этому миру. Все наши действия осуществляются и имеют смысл только благодаря контексту. Он фундамент нашего знания; совокупность предположений о нас и окружающем нас мире, которые определяют нашу жизнь. Выход за его пределы невозможен, без него мир снова станет пустым. Исчезнут история, философия, политика.

Без контекста мир представляется хаотичным сочетанием явлений и событий, не поддающимся пониманию. Только через контекст мы определяем ценность вещей, придаем смысл поступкам и интерпретируем значение явлений. Только внутри него возможны такие, основополагающие для нас понятия, как «Реальность», «Правда», «Смысл». Для понимания нам нужно контекстуализировать.

История, например, – контекст, с помощью которого

можно интерпретировать человека. В этом случае мы можем объяснить действия людей Историей. Мир из хаоса превратится в понимаемый, подчиняющийся определенным законам процесс. Жизнь каждого отдельного человека не будет рассматриваться независимо, со всеми ее сложностями и особенностями, а станет цепочкой в Истории и обретет свой смысл и значение исключительно в качестве этой цепочки.

Контекст используется не только в глобальных масштабах, но и в повседневной жизни. Взять, например, мой дом. Он является моим только в случае, когда существует само понятие «обладания». Для того чтобы «иметь», должен присутствовать некоторый набор понятий и явлений в социальной жизни человека. Во-первых, должно существовать понятие частной собственности, для которого, в свою очередь, также нужны определённые условия. «Право» – одно из таких условий. Для него нужно «правительство», для которого нужны существа, достаточно разумные для понимания концепта «правления» и так далее.

Таким образом, мы живем в бесконечной цепочке концептов, каждое последующее звено которой, не может существовать без предыдущего. Если убрать хотя бы одно звено из этой цепи, изменится значение всех последующих звеньев.

Каждый отдельный человек рождается уже в определенный контекст. Он будет расти, взрослеть, а не становиться. Он пройдет путь, а не проложит его. Другими словами,

концепт «Человек» уже существует до того, как каждый отдельный человек рожден.

В нашем случае имеются два вида контекста: культурный и физический. Физический контекст – это, по большому счету, законы физики. Гравитация, скорость света, факт, что мы Люди, один из видов животного мира, все эти факторы несут за собой определённые ограничения и во многом определяют нашу жизнь. Физическая реальность является первым звеном в цепи, она фундамент всего сущего, без которого невозможно было бы ничего представить. Из физической реальности произрастает все остальное, она – шахматная доска, на которой происходит действие.

Второй и наиболее важный для нас контекст – культурный. Он включает в себя (но не ограничивается): историю, политику, экономику, общество, литературу и философию. Культурный контекст затмевает собой физический, всю жизнь мы проводим внутри этого контекста. Если продолжить аналогию с шахматами то культура – правила игры; набор возможных ходов и комбинации. Быть «честным», «успешным» или «верным» можно только на пространстве с расставленными ориентирами, через которые можно оценивать себя и окружающий мир. Мы настолько уверовали в культуру, что уже воспринимаем ее как что-то неотделимое от физической реальности. Через культуру мы взаимодействуем с Вселенной, пытаемся найти свое место в ней и интерпретировать ее и свое назначение.

Большинство людей воспринимает себя не как часть природы, а как часть культуры. Человек видит себя пешкой или ладьёй (инженер, христианин, отец и т.д.), а не материалом (вид *homo sapiens*), из которого сделан. Отсюда также следует, что тот, кто контролирует культуру, контролирует человека. Сегодня культура формирует человека, а не наоборот.

Культура, взятая вместе с определённым историческим моментом, образует то, что я называю ситуацией.

Ситуация – культурный контекст с особенностями, присущими конкретному историческому периоду. Ситуация – это совокупность правил, убеждений и ритуалов, внутри которых человек вынужден существовать.

В течение своего развития общество меняет законы, по которым существует. Каждый такой период я называю ситуацией, то есть, конкретным периодом в истории, в котором человек рождается и формируется. У каждого из нас своя ситуация или как минимум у каждого поколения. Человек, рождённый в Древней Греции, нашёл бы мало точек соприкосновения с современным европейцем. Или человек из племени охотников-собирателей кардинально отличался бы от мусульманина из Средневековья. Каждый из них был бы сформирован своей ситуацией, их нельзя было бы воспринимать как независимых индивидуумов, они продукты своей конкретной ситуации. Само их мышление, самосознание и мировосприятие были созданы обстоятельствами

конкретного исторического момента.

Таким образом, мы находим себя не в мире свободы и созидания, где каждый сам устанавливает правила своей жизни, а внутри уже сформировавшихся моделей поведения. В течение своей жизни мы приобретаем соответствующую нашему историческому моменту и социальному статусу модель поведения. Все наше существо определяется факторами, от нас не зависящими.

В современном мире Экономика, СМИ и Государственный аппарат являются главными факторами, управляющими жизнью людей. Они играют роль ориентиров, задающих направление человеческой жизни. Мне также представляется, что современность являет собой один большой кризис контекстов. Все больше и больше людей разуверились в старых контекстах и не видят смысла в продолжении жизни по старым канонам.

Однако контекст невозможно уничтожить, он постоянно трансформируется и видоизменяется. В процессе кризиса появятся новые идеи и способы понимания мира. Они не будут верными или ложными; ближе или дальше от Истины, чем предыдущие. Они будут новыми. Люди откажутся от прошлого и продолжат двигаться дальше, с новой верой и надеждой на будущее.

Культурный контекст, определяя границы мысли, во многом сужает мир. Человек теряется внутри его и не может сформироваться независимо. Культура формирует

индивидуума, «подгоняя» его под свои стандарты «человека». Она позволяет трактовать личность, мир, историю только с определенных позиций. Она не берет в расчет все неизвестные и основывается на том, что в данный момент считается Правдой.

Как же отыскать себя среди всего этого?

Всю свою жизнь я мечтал вырваться из контекста, добраться до источника всего и увидеть мир таким, какой он есть. Я хотел достичь чего-то божественного или трансцендентного, преодолеть преграды, на которые наталкивалась моя мысль, вырваться за пределы условностей. Я хотел превзойти идею человека, в которой вынужден был существовать, подняться над миром объектов, временем и своей ограниченностью. Человеческая реальность была слишком узкой и искусственной. Мне нужно было выйти за пределы культурного «Я», за пределы истории и пределы человечества, противопоставить себя обстоятельствам, какими бы непреодолимыми они не казались. Я считал, что за контекстом кроется Свобода. Я нуждался в новых контекстах и смыслах, которые бы дали цель моей жизни, которые освобождали бы человека, а не заковывали в цепи Идей и Идеологий.

Мне до сих пор не удалось этого сделать, задача слишком серьезная. Как сильно я ни старался, чего только не предпринимал, я всегда возвращался к себе, в свою бесконечную субъективность. Я создавал свой контекст, основанный на

предыдущих идеях и учениях, новый контекст не означает правильный контекст. Я не смог найти ни одной вне контекстной вещи и увидеть ее, как она есть. У меня также не получалось примерить свои теории и Быт. Я хотел просвещения, метафизики, свободы, вневременности, а был вынужден жить в обыденности и рутине.

Контекст подавлял меня своим объемом и вездесущностью. Я видел мир исключительно в том качестве, в котором он существовал для меня. Я воспринимал мир через язык и видел слово (концепт), а не саму вещь. Мое мышление не могло быть источником объективного знания. Я мыслил только в контексте своего собственного существования. «Я» было лишь звено, замкнутое в самом себе и в бесконечной цепочке контекстов. Звено, которое не может знать назначения всей цепи».

«Сухо», – подумал Максим, закончив читать. В следующих главах он попробует добавить больше эмоций и показать, как он сам уживается в контексте.

Максим не торопясь продолжал свой завтрак. Он был абсолютно спокоен, «здорово хоть иногда быть собой, просто взять и не пойти на работу». Только одиночество давало ему возможность побыть собой. Не нужно было торопиться на остановку и ждать светофора, затем жаться к таким же несчастным в автобусе и бежать сломя голову к месту работы, с надеждой, что не оставил пропуск дома. Помимо нелепости, в этой беготне было еще что-то унижительное: слива-

ние с толпой, спешка, обязанность явиться ко времени. К счастью, сегодня не до этого, никто не потревожит Максима. Утро принадлежало только ему.

«Работать». Было что-то в этом слове принижающее достоинство, что-то, чего Максим не мог принять и что не давало ему нормально продолжать жить. Работа унижает, этим все сказано. Насколько ему известно, Сократ не работал, следовательно, человек не должен работать. Просыпаться когда тебе говорят, делать что тебе говорят, притворяться, а главное, думать, как тебе говорят. Следовать указаниям других было хуже любого наказания для Максима. Далеко не так он представлял себе жизнь. Для него жизнь – поиск, путешествие, бесконечная загадка и прежде всего Свобода. В то время, как ему казалось, что с него требовали или продавать, или покупать. Всё его существо низвели до одной из этих функций. Вместо бесконечной загадки он оказался на бесконечном рынке, где сам человек был всего лишь одним из бесконечного множества товаров. Общество занималось производством таких, как он, товаров, безликих и безыменных, штука за штукой, копия за копией. В этом обществе не место Сократам, то есть свободным людям.

Всю свою жизнь Максим делал то, что от него требовалось, подстраивался под внешний мир. Год за годом, день за днем протекали по спущенному на него сверху распорядку. Только поздним вечером (или утром, как сегодня), Максим имел возможность быть самим собой, когда ничто не могло

его потревожить, расписание больше не действовало, никто не мог ворваться в его внутренний мир. Обычно он проводил вечера, читая книги, впоследствии он начал писать свои собственные. Одиночество дарило ему долгожданный покой и умиротворение.

Дневная же жизнь проходила в стенах всевозможных институтов: Школа, Армия, Колледж. Он жил по расписанию, питался, чем его кормили, делал то, что было прописано по распорядку, носил вещи, подходящие по дресс коду. Он был гражданин, избиратель, подчиненный. Ему дали номер, только не двузначное число, как предрекали анти-утописты двадцатого века, а десятки номеров и документов: телефон, паспорт, страховка, банковская карта, список можно продолжать бесконечно. У него брали кровь, его взвешивали и измеряли рост, он стоял в очередях, сдавал тесты на алкоголь и наркотики. Он мог обсуждать только ограниченное количество тем и выполнять простейший алгоритм действий. В системе, частью которой он был и внутри которой был рожден, ему была выдана определенная роль, обязательная для исполнения.

Максим ненавидел Систему, в которой был вынужден существовать. Ему все время нужно было подстраиваться, приспособливаться и подчиняться. Он изначально, самым фактом своего рождения, находился в состоянии подчинения. Несправедливость и неравенство – основные характеристики системы. Максиму казалось, он был приговорен к пожиз-

ненному заключению в стенах системы, ему было невыносимо тяжело существовать в этих рамках.

Максиму не хватало времени, чтобы жить. Жизнь проходила где-то в стороне, пока он был занят общественными пустяками. На все его вопросы были готовы ответы, да и сами вопросы казались лишними. В связи с этим внутри него родилось чувство неудовлетворения, сопровождавшее его всюду. Его жизненная энергия подавлялась и направлялась в ложное, по его мнению, русло. Он жил как бы не своей жизнью, он не мог раскрыться и быть собой. Чем бы он ни был занят и что бы ни делал, его внутренний мир и внешние обстоятельства находились в постоянном столкновении. Эта борьба забирала слишком много внутренних сил, она поглощала его и не оставляла времени, чтобы жить и наслаждаться жизнью. Сегодня он решил порвать с этой жизнью. Невыход на работы был первым шагом в этом процессе.

Максим поднялся из-за стола, нужно было собираться, несмотря ни на что, нельзя было просто просидеть весь день, не выходя из квартиры. «Нужно сначала навестить родителей», – думал он, – «а там... там видно будет».

II

Перед выходом Максим взглянул на себя в зеркало. Высокий, худощавого телосложения, с широкими плечами, он стоял перед зеркалом, разглядывая свое отражение. Из-под широких бровей, доставшихся ему от отца, на него смотрели голубые глаза и ничем не примечательное лицо, разве толь-

ко немного большой нос. Русые волосы средней длины так и торчали не причесанные, на щеках легкая щетина примерно трехдневной давности. На нем были синие джинсы и серая кофта с высоким воротником. Максим взял расческу со стола и принялся зачесывать волосы набок. Завершив процедуру и взяв ключи с тумбочки, он вышел из квартиры.

Закрывая дверной замок, он услышал соседа по лестничной клетке:

– Здорово, сосед! – чересчур оживлено, хотя и в привычной для себя манере проговорит тот.

– Здравствуйте, – Максим кивнул ему в ответ и сразу начал спускаться по лестнице, явно стараясь избежать разговора. Этот сосед совсем недавно заехал в дом, и сам начал здороваться. Максим знал остальных соседей в лицо, но ни с кем не больше не здоровался.

Максим жил в этой квартире уже третий год. Однушка в старой советской пятиэтажке, расположенная в спальном районе города П., принадлежала его бабушке. До того как он сюда переехал, бабушка сдавала ее. Но поскольку Максиму с родителями (или наоборот) было невыносимо продолжать жить, они приняли решение о его переезде сюда.

В последнее время Максим редко навещал родителей. У него с самого детства были сложные отношения с ними. Отец – простой водитель, мать – медсестра, Максим совершенно не был на них похож. Их образ жизни всегда был для него чужд. С раннего детства он хотел от них большего, чем они

могли ему дать. Не найдя в родителях нужных ему интеллектуальных качеств и авторитета, Максим обернулся за наставлениями к книгам. Примерно с четырнадцати лет его воспитанием занимались книги, которые он брал в местной библиотеке. Максим мог неделями не выходить из дома, читая дни напролет. Книги дали Максиму перспективу, познав которую, ему было нескончаемо сложно жить в своей реальности. Серое, примитивное и пустое настоящее, представляющее собой быт и обыденность, и насыщенная, глубокая вселенная книг, представляющая трансцендентность, вневременность. Максим не мог примирить эти два мира. Он хотел прибывать во втором мире, но обстоятельства вынуждали жить в первом.

Максим был рожден в рабочей среде, он рос среди водителей, строителей и разнорабочих. Он просто не понимал, как люди, его окружавшие, могли смириться с их положением в жизни и, что хуже всего, видимо, даже не осознавали это. Они не знали и не хотели знать другой жизни. Они жили как в тумане, бездумно исполняя свои роли. У них не было запросов и стремлений, все их интересы не распространялись дальше спорта или телевидения. Всю жизнь они проводили в нужде, в мыслях о спасительном рубле, зависимые от обстоятельств, не имея и малейшего шанса на выход из своей ситуации. Казалось, вся система была устроена против них. Рождённый ползать летать не может.

Для Максима это была не жизнь, а пародия на нее. Ему

хотелось подлинности, правдивости и независимости. Свобода духа и мысли были его идеалами, однако этим понятиям тут не было места. Со временем он все больше изолировался от своего окружения.

Он мысленно винил родителей за то, что они, не подумав, привнесли его в этот мир. «Как эгоистично, – думал он, – было со стороны родителей иметь ребенка и ждать, не только ждать, но и требовать от него следовать по их стопам». Он был их маленькой копией, которой суждено вырасти, чтобы занять их место в Игре.

Максим никогда не имел постоянной работы, он просто не мог работать. За свою жизнь он сменил все доступные для него профессии. Он был официантом, грузчиком, продавцом-консультантом, экспедитором. Нигде он не мог продержаться больше полугода. Работа шла вразрез с его характером, он не желал подчиняться и не мог позволить собой командовать.

«Наемный труд – преступление против человеческого достоинства» – часто говорил он. Работая на кого-то, он всегда считал, что его эксплуатируют и используют. Его жизненные силы и энергия направлялись только на зарабатывание денег, даже мысль об этом казалось Максиму унижительной. У него самого были планы на себя, ему хотелось распоряжаться своим временем, как он сам того пожелает. Максим надеялся посвятить свою жизнь чему-то большему, однако на его пути к независимости стояли общественные институты.

Чтобы прорваться к свободе, нужно было для начала устранить механизмы общественного контроля.

Максим мечтал посвятить свою жизнь литературе. Два года назад он опубликовал два рассказа в одном литературном журнале. С тех пор он вынашивал план написать книгу, ту самую, что станет его *magnum opus*, опишет его жизнь и позволит ему высказать свои взгляды. Однако ему катастрофически не хватало времени, чтобы писать, он или работал или искал работу. Максим начал писать около семи лет назад, когда ему было двадцать лет, большинство его работ так и остались неопубликованными.

Письмо было его формой бунта. Бунтом выражалось его существо. Во-первых, Максим бунтовал против жизни и обстоятельств. Ему казалось, он был вброшен в модуль жизни, при котором от него требовалось соблюдать «этикет» и следовать определенному устою поведения. Максим ненавидел этот модуль, он не давал ему развиваться и не позволял жить. Максим был вынужден действовать, думать и выживать внутри этого модуля, задача которого – подчинить себе существо Максима. Он всеми силами хотел вырваться из модуля и жить свободно.

Правящий класс для извлечения наибольшей выгоды из населения посредством СМИ и пропаганды всячески насаждает этот модуль на обывателей. Всю жизнь Максим искал способ пробить брешь в пропаганде. Этот бесконечный, 24/7 цикл новостей, ссылок и лайков. Единственной доступной

Максиму формой протеста было письмо. Максим собирался привнести в цикл частичку настоящего, для этого он начал писать. Он хотел бросить вызов Системе и возможно даже попытаться ее уничтожить. Максим бунтовал против общественного строя, против конформизма и механистичности общественной жизни. В обществе не было человечности, трагедии и хаоса, не было души и эмоций, Максим, своим письмом, хотел привнести эмоции обратно в жизнь.

Во-вторых, Максим бунтовал против смерти. И даже не смерти как таковой, а самого мироздания. Он пылинка, насекомое, клетка, пытающаяся противопоставить себя Вселенной. Он ничто в сравнении с ней, она как цунами навалилась на Максима, задавив его своей массивностью. Он лишен лица, права на автономность, он часть Истории, часть мирового процесса и ничего больше. Он не хотел быть частью, он хотел быть собой, неповторимой и не выразимой ничем сущностью. Сущностью, что выше обязательств и общества. Смерть была его врагом номер один, она угрожала стереть его с лица земли, обратить в Ничто. Смерть вычеркнет его из Вселенной, не оставив ни малейшего упоминания. Безымянный и забытый, он утонет в веках. Письмо позволяло запечатлеть мгновения жизни, свидетелем которых он оказался. «Переложение» на бумагу себя и этих мгновений давало ему иллюзию бессмертия, презервации. Максим надеялся, что книги переживут его и что, возможно, их будут читать через сто или двести лет после его смерти. Эта мысль

немного успокаивала его. Его творчество и вся его жизнь были борьбой со смертью, временем, обстоятельствами

Ему хотелось, выразив себя хоть что-то противопоставить смерти и оставить след после себя. Максим хотел выразить себя на бумаге, свое одиночество и отчужденность. Письмо родилось от страдания. Максим страдал от ненужности, от невозможности найти себе место, от одиночества, от бессмысленности своей жизни. Он навсегда один, непонятый близкими и самим собой, он не верит в реальность мира и в ценность своей жизни. Он хочет вытолкнуть эти эмоции из себя обратно в мир и взамен получить облегчение и спокойствие. Ему всегда тревожно, он не на своем месте. Письмо на мгновения выносило его из материального мира, из тела, в мир духовный, в мир идей, в какое-то новое пространство, где нет форм и тел и, соответственно, нет смерти и страха. Письмо было его последним прибежищем в мире отчуждения.

Максим видел историю человечества как историю порабощения человечества. На каком-то этапе что-то пошло категорически не так. Государство, которое он презирал, вместо побочного института в обществе стало доминировать в нем. Оно – аппарат контроля и насилия, лишаящий человека свободы и независимости, дарованных ему самой Вселенной. Максим всю жизнь мечтал обрести эту свободу. Он считал, что государство – устаревшая и отжившая идея. Оно установило всякого рода барьеры на его пути к свободе. Эко-

номика, политика, культура – все они скрывали от людей их истинную цель и ценность в жизни – Свободу. Они также дегуманизировали человека, выталкивали из жизни трагедию и загадку, превращая общество в декорацию и спектакль. Они ложь и выдумка – пронзили собой все сферы жизни, сделали жизнь примитивной и невыносимой. Они закрыли собой мир. Максим мечтал сломать эти барьеры и вырваться на свободу.

Однако он прекрасно понимал, что это будет непросто или даже невозможно. У государства в руках полиция, СМИ, судебная система. «Совершенно один, лишенный всех рычагов влияния, что я могу противопоставить этой машине?». Экономические и политические барьеры сломать было не под силу, он выбрал культуру. Максим решил, что попытается противостоять Системе на культурном поле. Книги дали бы ему возможность быть услышанным.

Тогда он был совсем молодым, лет восемнадцати, он грезил, что сможет начать движение, которое продолжили бы его единомышленники, даже после его смерти. Он понимал, что на борьбу с государством требуется больше чем одна жизнь. Просвещение уничтожило Церковь, по его мысли, двадцать первый век должен уничтожить Государство. Юный Максим был готов посвятить свою жизнь борьбе с государством, эта борьба была идеей, на которую не жалко потратить жизнь. Максим считал, что в современном мире не было идей достойных жизни человека, в чем отчасти было

виновато государство. Потому что оно, самым фактом своего существования (как асфальт на земле не позволяет прорасти траве), не позволяло взрасти новым идеям. Чтобы родились новые идеи, новое мировосприятие, нужно для начала избавиться от государства.

Максим не мог найти смысла в современности. Механизация и автоматизация жизни были основными ее признаками, тут не было места личности, чувствам, импровизации. Современность затмила и поглотила человека.

«Современный образ жизни, – часто думал он, ведет к одиночеству и отчуждению. Товар не приносит счастья, не отвечает нашему запросу на Смысл». Ему казалось, что он жил во время кризиса идей. Религия – издевательство над человеческим разумом. Наука, пришедшая на смену религии, – издевательство над душой. Несмотря на то, что наука справлялась с объяснением мира намного лучше, чем религия, она скорее лишала мир смысла, нежели добавляла его.

Найти смысл в общественной жизни ему также не удавалось, общество производило товары вместо смыслов. Жизнь общества виделась Максиму одним большим ритуалом, исполняемым людьми для придания смысла их жизням. Только в обществе существует «успех», «неудача» или «карьерный рост». Общество, накладывая лейбл на человека, дает ему иллюзию бытия чем-то помимо себя самого. Человек становится доктором, предпринимателем и т.д. Вместе с лейблом, приходит возможность быть успешным бизнесменом

или прилежным мужем. Добротнo исполняющй свою роль человек чувствует удовлетворение и спокойствие, в обратном случае рождается депрессия и тревога. Эти чувства не являются подлинными, поскольку рождаются в искусственных, созданных человеком условиях. Таким образом, искусственность определяет человека в обществе, лейбл живет вместо человека. Максиму была неприятна такая реальность.

Весь мир – театр, Максим хорошо понимал значение этих слов. В жизни, как в театре или в кино, нужно верить в реальность происходящего, иначе пьеса или фильм потеряет свое значение. Максим осознал театральность общества так, как бывает, когда смотришь фильм ужасов: пугаешься и внимательно следишь за сюжетом до тех пор, пока не осознаешь, что все происходящее на экране маскарад и шутовство. Потом глядя на часы, понимаешь, что до конца фильма еще час сорок и выбора нет, остается отключить свое самосознание и раствориться в кинематографическом забвении.

Максим совершенно не видел себя в этом мире, он не хотел отключать свое сознание, и поэтому ему невозможно было выбрать себе подходящую роль в обществе. Эти роли, которые должны были выражать его личность, на деле поглощали его и подавляли в нем остатки индивидуальности и неповторимости. Он был лишен своего лица и права на самостоятельность. В мире, где самовыражение осуществлялось через товары и вещи, он был вынужден искать что-то, что

могло бы выразить его сущность. Он знал, что был обречен на неудачу. В этом мире не было ничего, ради чего он хотел бы вставать с постели по утрам. В ситуации, в которой Максим осознал себя, единственным смыслом жизни была работа.

Возможно ли быть *собой* при таком раскладе? Этот вопрос волновал Максима всю жизнь.

– Я на это не подписывался,– говорил он матери, когда они еще жили вместе.

– Ты *обязан* работать,– она настаивала.

Когда он начал писать, он по-прежнему верил, что все можно изменить. Что это временно, что история не стоит на месте. Как только люди узнают правду, так тщательно скрываемую от них элитами, то родиться новое поколение, поколение независимых, равных, свободных. Вместе с этими людьми родятся новые идеи. И он будет одним из новых, он возглавит революцию, даже погибнет, если не за свободу, то за идею свободы. У него все еще оставалась частичка надежды, что он не один, что есть еще люди, которым не нужен лидер, которые следуют только своим убеждениям и которых не вдохновляют мертвые идеи прошлого.

Максим всю жизнь искал способ найти таких людей. Он пытался отойти от сценария, сымпровизировать, привнести частичку непредсказуемости в рутину. Где бы он ни был: на людях, в магазинах или в разговорах, он всегда, словом или жестом, пытался подать знак, дать другим понять, что он не

играет, что он *живой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.